

Юношеский рассказ В. Катаева «Рыжие крестики», эссе Татьяны Толстой «Сирень» и образ мокрой сирени в русской литературе

Рассказ «Рыжие крестики» написан Валентином Катаевым в 1922 году. Автору 25 лет; он уже прошел Первую мировую и Гражданскую войну, но в литературе еще остается учеником. Задача участников смены – обнаружить, под чьим влиянием находится Катаев; понять, почему мотив сирени так актуален для этого автора; вспомнить, где в русской литературе он звучит и в каком контексте – и соотнести текст Катаева с этим контекстом; наконец, проанализировать эссе Татьяны Толстой, посвященное сирени в русской литературе.

В. Катаев

Рыжие крестики

Жизнь Натальи Ивановны, начавшаяся (в воспоминаниях так чудесно) щелканьем крокетных шаров, зеркальной зеленью дикого винограда, щедро и ядовито отраженного в паркете и самоваре, жизнь, полная мошкары, льнувшей к стеклянным колпакам дачных свечей, и шиповника, благоухающего теплым вареньем, эта очаровательная жизнь через сорок лет стала сухой и невыносимой. Постаревшее, но не утратившее нежности сердце, опустошенное войной и революцией, не могло примириться с бесконечными утратами и одиночеством. И, почувствовав, что в жизни уже больше ничего не случится ни хорошего, ни дурного, Наталья Ивановна поняла, что жить дальше нельзя. Тогда она решила умереть и со спокойной аккуратностью стала готовиться к смерти. Она надела лучшее, что у нее было, — шерстяное платье, гладко зачесала сухие, легкие волосы, убралась, перебрала и сожгла в железной печке бумаги и оглядела свою чистую скучную комнатку воспитательницы детского дома. Потом она высыпала порошок в рюмку и стала быстро размешивать искусанным кончиком ручки, следя, как он, линяя, синит воду. Потом она зажмурилась, мелко закрестилась и, быстро открыв глаза, увидела у самого своего локтя письмо, выпавшее, вероятно, из бумаг и не замеченное раньше. Это был узкий конверт серой английской бумаги, заклеенный синей институтской облаткой и надписанный рукою самой Натальи Ивановны, судя по крупному и неверному почерку, года двадцать три тому назад, когда ей было семнадцать. Письмо было адресовано тому студенту, соседу по имению, с которым она двадцать три года тому назад однажды в майский дождь поцеловалась и о котором уже ничего не помнила, кроме того, что он ходил в шелковой вышитой малороссийской рубашке. С волнением необъяснимого любопытства она коснулась этого некогда написанного, но не отосланного письма и быстро разорвала конверт шпилькой.

«Родной, ненаглядный мой! — прочитала она. — Я до сих пор не могу прийти в себя. Неужели же мы любили друг друга? Да, это так, дорогой! Никогда не забуду я той темной ночи с дождем, когда вы сказали мне «люблю». Кажется, с той минуты прошло целых сто лет, а ведь на самом деле это было вчера, подумайте — вчера. Ведь это вчера ночью дул ветер, и пахла сирень, и собирался дождь.

Это было только вчера, поймите. Я не ложилась спать, а волосы у меня еще мокрые от дождя, хоть выжми. Господи, как я счастлива! Нет, это даже написать нельзя. Такое счастье бывает только раз в жизни, и больше никогда, никогда не может повториться такая ночь. Что будет потом? Я знаю — будущее может быть сильнее, ярче, но лучше, нежнее, выше оно быть не может. Это был взлет... Взлет, достигший высшего предела. Милый, поймите, это никогда, никогда не повторится. Вы видели когда-нибудь, как ребята кидают, кто выше, камни? Камень сначала стрелой несется вверх, потом лёт становится все медленнее, медленнее, и, наконец, камень достигает самой высокой точки... На мгновенье кажется, что он остановился... Но только на мгновенье... Потом он переворачивается и начинается падение. Сначала медленно, потом все быстрее, быстрее, и,

наконец, он, шурша и выдирая листья из деревьев, падает на траву или на крышу... Милый, не сердитесь на меня. Я знаю, что я вам делаю больно, но так надо... Поймите — вчера наша любовь достигла своей самой высокой точки. Выше ей подняться уже нельзя. Я это чувствую и знаю. Вы помните, вы меня взяли за руку, и наши губы... Уже сверкали молнии и на голову падали первые капли дождя... Этой ночи уже больше никогда не повторится. Это был взлет, на мгновение мы остановились на этой самой высшей точке, и это мгновение казалось вечностью. Потом — вы помните? — хлынул ливень, мы бросились к дому, и вы меня проводили до самого крыльца. Измокшая и счастливая, я вошла к себе в комнату и не могла уснуть до утра. Милый...»

На этом месте на строчки налипло несколько сухих рыжих крестиков сирени, вокруг которых темнели пятна в потеки чернил и воды! И эти несколько сухих лепестков так живо напомнили Наталье Ивановне все. Она вспомнила беглый и прохладный поцелуй у крыльца и беглые зеркальные молнии, от которых повсюду зажигался сиреневый глянец. В прихожей ослепительно дрогнуло и сдвинулось от двойной вспышки окно, и мокрый, раскрытый зонтик, оставленный кем-то сушиться, упруго подпрыгнул, сдернутый с места подолом легкого Наташиного платья. В полной тьме она взошла к себе в комнату, протягивая, как слепая, руки и ощупывая знакомые вещи. В комнате стоял очень сильный и горький миндальный запах сирени, смешанный с запахом дождя. Она протянула руку к столу и коснулась пальцами чего-то мокрого, пышного и тяжелого. Оно мягко повалилось на стол, упал с легким звоном флакон духов, и легкой, быстрой струйкой полилась со стола на пол вода. В эту же секунду зажглась молния, и Наташа увидела опрокинутый букет сирени, разлитую воду и свое бледное, красивое, черноглазое лицо в зеркале. Потом она зажгла свечу, слабо озарившую тьму золотым и синим острием, и долго сидела перед зеркалом, выжимая намокшие, отяжелевшие косы.

Наталья Ивановна вздохнула, улыбнулась и стала читать дальше.

«...Милый, родной, я люблю вас. Люблю больше всего на свете. Во имя этой любви я умоляю вас, я требую от вас, чтобы вы уезжали отсюда как можно скорее. Я знаю, что вам будет больно, мне и самой больно, простите меня, ненаглядный, но это необходимо. Мы не должны больше с вами встречаться. Ведь вы чуткий. Вы меня поймете. Пусть наша любовь, взлетев на страшную высоту, останется там навсегда и никогда не падает вниз, на землю. Никогда, никогда!.. Я это твердо решила, а мне ведь это стоило многих слез и колебаний. Простите меня, любимый. Сохраняйте меня в памяти такой, какой я была в эту чудесную ночь. Не ищите со мной встреч, мое решение неизменно. Дай бог вам счастья и радости в жизни. Я люблю вас, молюсь за вас и целую ваши глаза. Простите, ваша Н.»

Серая английская бумага дрогнула в сухой и тонкой руке Натальи Ивановны. С удивительной ясностью вспомнила она себя впервые влюбленной, семнадцатилетней барышней, вспомнила щелканье крокетных шаров, мошкарку над колпаками дачных свечей. Она вспомнила свой первый девичий роман, начавшийся этим тургеневским письмом, так и оставшимся неотосланным; потом вспомнила свою любовь к мужу, смерть ребенка, расстрел брата, голод... Вся ее счастливая, трудная, изумительная, невыносимая и обыкновенная человеческая жизнь представилась ей щедрым, зеркальным отражением дикого винограда в стеклах и паркете, шумом ливня, запахом сирени, и частые слезы закапали на порыжелые строчки этого неотосланного письма. И она поняла, что в жизни равны и счастье, и горе, и любовь, и смерть, что нет в жизни ни взлетов, ни падений. Она поняла, что умирать ей не надо. А слезы все капали и капали, расплываясь по чернилам сиреневыми, бледными звездами, похожими на засохшие крестики цветов, кое-где прилипших к серой бумаге.

Татьяна Толстая

РУССКАЯ РЕЧЬ

СИРЕНЬ

В России поэт - Пушкин, фрукт - яблоко, куст - сирень. Можно сказать, куст всенародный, демократический, повсеместный, пригодный как для правонарушительного обдирания в городских скверах, так и для спокойного цветения на дачах. В давние годы, помню, я привезла с дачи в город, на свадьбу сестры, такой оглушительно огромный букет темно-фиолетовой сирени, что меня на Финляндском вокзале остановили менты: не могли поверить, что я не вандализировала сады Лесотехнической академии в Кушелевке. Свадьба - любовь - юность - сирень, и все это отцвело уж давно. Сирень - это всегда «давно», это когда все в прошлом, и уж не вернется боле! Увы! Давно, далеко! Не для меня придет весна! Хотя - как посмотреть.

Сирень в России появилась в восемнадцатом веке, но в моду вошла с середины девятнадцатого: стали закупать и высаживать французские сорта, и, наверно, не было такой усадьбы, где бы лиловые и белые кусты не теснились у крыльца. Вся вторая половина золотого века тонет в сирени. Фет, Тютчев, Гончаров, далее везде; художники Поленов, Максимов, далее везде. Май, распахнул окно, вдохнул - «об отчизне я вспомнил далекой»... (К.Р.) «Открывая окно, увидел я сирень, // Это было весной - в улетающий день» (Блок). Сирень - мимолетность молодости, мимолетность чувства. Вот Обломов со своей надоедливо бодрой Ольгой возьмется над сиреневой веткой, увлеченные старинной и упоительной любовной игрой «тупой, еще тупее»:

«Что это у вас? - спросила она. - Ветка. - Какая ветка? - Вы видите: сиреневая. - Где вы взяли? Тут нет сирени. - Это вы давеча сорвали и бросили...

«Что это? - спросил он, оторопев. - Вы видите - ветка. - Какая ветка? - Сиреневая. - Знаю... но что она значит? - Цвет жизни и...»

Но любовь проходит, «сирени отошли, вчера отошло, и миг отойдет, как сирени».

«Что же стало с Обломовым? Где он? Где? - На ближайшем кладбище под скромной урной покоится тело его, между кустов, в затишье. Ветви сирени, посаженные дружеской рукой, дремлют над могилой...» (Знает ли «дружеская рука», что сирень предпочитает суглинистую почву? На низких сырых местах необходимо дренирование почвы и подсыпка земли. Сирень хорошо растет на почвах с pH 6,5-8, поэтому кислые почвы известкуют. Первую подкормку проводят рано весной, как только начнут отрастать побеги. При этом вносят полное минеральное удобрение: 20-30 г аммиачной селитры, 30 г суперфосфата и 15-20 г хлористого калия на одно растение и заделывают на глубину 10-15 см. При подкормке минеральные удобрения лучше вносить вместе с раствором навозной жижи или коровяка. Тогда все будет хорошо).

Сирени становится все больше и больше, - вот и на кладбище ее высаживают, вот и дворянские усадьбы угасают, - «Все в прошлом» - картина Максимова, где старуха в кресле оправдывает название полотна, а над ее головой - половодье цветов. Тоже кладбище своего рода. А потом она разрастается по деревням и селам, так что и Есенин запросто пройдет сквозь нее по своим крестьянским надобностям:

По-прежнему с шубой овчинной Иду я на свой сеновал. Иду я разросшимся садом, Лицо задевает сирень, - и Набоков, ностальгируя, вспомнит «за-хлест сирени станционной», то есть к 1918 году она уже станет таким же бытовым кустом, как рябина, о которой тоже хорошо угрызаться на чужбине. Сирень - это такая весенняя рябина, обратная рябина, только ненадежная и быстро вянущая. В общем, к началу серебряного века сирень можно было специально не замечать, привыкнуть, но серебряный век, падкий на все лиловое, вцепился в нее как в символ иного бытия,

как в эротически-томный, декадентский, бесплотный, наркотически-лунный, ядовитый, пьяный и головокружительный изыск. Сначала Эрос: «сирень - сладострастья эмблема», «припадая к цветам сирени лунной ночью, лунной ночью мая», «в грезах безумья, в снах сладострастья есть у сирени темное счастье - темное счастье в пять лепестков», «пьян сном сиреневых ветвей», а потом, натурально, Танатос: «и ходить на кладбище в поминальный день, да смотреть на белую Божию сирень»... «Плачут сирени под лунный рефрен». «Художник нам изобразил глубокий обморок сирени». «Сирень» Врубеля - это вам не уютный поле-новский «Бабушкин сад», это бездна. Первая его «Сирень» еще розовая, вторая уже фиолетовая: пошли блоковские «лиловые миры», провалы в вечность, предвидение катастроф. Мелким дождем - могильные сиреневые крестики, осыпающиеся на кладбищах, «ты пришла меня похоронить... ты пахнешь, как пахнет сирень». «И кладбищем пахла сирень». «Сирени запах жуток». Да, собственно, и «станционная сирень» Набокова-Сирина, сиреневого Сирина, - это тоже смерть, потому что любой отъезд - маленькая смерть, большое расставание. Кому открылось, тот предчувствовал: «оттого, что по всем дорогам, оттого, что ко всем порогам приближалась медленно тень». Придумать рифму. Ослеп Врубель, оглох Блок, бежал Набоков, бежала Тэффи, кто не успел, тот опоздал. Кто успел - тоже погас.

К мысу радости, к скалам печали ли, К островам ли сиреневых птиц - Все равно, где бы мы ни причалили, Не поднять нам усталых ресниц.

Лиловые миры вздыбились и обрушились, и затопили ждавших и неждавших, и все умерло. Потом - провал. Реквизируют зерно.

Голод был, какого не видали. Хлеб пекли из кала и мезги. Землю ели. Бабы продавали С человеческим мясом пироги.

Не до цветов - хотя красная гвоздика, как пролитая кровь, как обещание пролить еще и еще, уже лежит на могилах первых большевиков. Где ее берут, интересно знать? Летом, наверно, в буржуйских садиках, зимой нарезают из тряпочек и бумажек. Впрочем, есть и такое свидетельство: на Ходынке, на летном поле, еще в 1915 году засеивали кровавыми гвоздиками те места, где разбивались насмерть «авиаторы». Сирень где-то там цветет себе - что ей делается? - но никто ее не воспевают. Некому. И как-то понемногу забывается, что сирень - это нежная смерть, - вокруг слишком много грубой смерти, а стало быть, и грубого желания жить.

И возвращается она - в тридцатые - как грубая жизненная сила, как мясо, как веник кисти Кончаловского - срезанная секатором, воткнутая в горшок. Невольно думаешь, что он, по инструкции, ухватил крепкой левой рукой Мастера пышные, здоровые ветви, и, прижав букет к разделочной доске, крепкой правой рукой Мастера размозжил нижнюю часть ветвей молотком, ободрал лишние листья, кинул в горшок два кусочка сахара, встряхнул и расправил получившееся; да и изобразил. Пышущую свежестью, румяную, тридцать шесть и шесть. И еще раз изобразил. И еще. И Пастернак ее - так же:

Пронесшейся грозою полон воздух. Все ожило, все дышит, как в раю. Всем роспуском кистей лилогогрозных Сирень вбирает свежести струю.

Здоровье. А не кладбище. И еще:

А ночь войдет в мой мезонин И, высунувшись в сени, Меня наполнит, как кувшин, Водой и сиренью.

И вот тоже:

И тучи играют в горелки, И слышится старшего речь, Что надо сирени в тарелке Путем отстояться и стечь.

Сирень прагматическая, сирень в горшках, кувшинах, тарелках, - потому что красиво, потому что здорово; витальная сила, украсить жилище, нарвать-наломать и любоваться, и себе, и людям, победа над слабостью, человек сказал Днепру: я стеной тебя запрю! И улучшить ее! И селекция! Великий сиреневый садовод Колесников выводит сотни сортов в саду у станции метро «Сокол», неподалеку от той Ходынки, где вся земля в алых пятнах крови авиаторов, и не только авиаторов. Названия сортов тоже - эх! Победа силы и чистоты над томностью и всяким там эросом: Олимпиада Колесникова, Огни Донбасса, Лебедушка, Заря Коммунизма, Капитан Гастелло, Великая Победа, Валентина Гризодубова, Алексей Маресьев, Партизанка, Тарас Бульба. Разбился - в сирень! Без ног - в сирень! Бей так - что ни патрон, то немец! А кусты двух сортов - Знамя коммунизма и Путь Коммунизма - растут в сквере у Конгресса США. «Он вдруг спохватится: а где они? - А мы уж в сердце у него!»

Отныне она обозначает жизнь, всю жизнь - от гребенок до ног, от неуловимо-возвышенного -

Лиловое зданье из воска До облака вставши, плывет до пошлого и востребованного толпой:

Расцвела

Сирень в моем садочке.

Ты пришла

В сиреневом платочке.

Ты пришла, и я пришел -

И тебе и мне хорошо.

Она - и недоступная изгнаннику Россия («об отчизне я вспомнил далекой»), и вожденная для полувыездного шестидесятника за граница («сирень похожа на Париж, горящий осами окошек»).

Она - наше все, цветок, пригодный для любого случая, русское и нерусское, персидское душистое серебро.

Сирень в русской поэзии

Запевающий сон, зацветающий цвет,
Исчезающий день, погасающий свет.
Открывая окно, увидал я сирень.
Это было весной - в улетающий день.
Раздышались цветы - и на тёмный карниз
Передвинулись тени ликующих риз.
(Александр Блок)

***

Клонясь под волнами ветров,
Сирень глядит в мое окно,
Она моих не слышит слов,
Ей все равно, ей все равно.
Ни снов и радостей и бед,
Она, смеясь, стучит в стекло,
В ней вовсе сострадания нет,
Ей все равно, ей все равно.
Она беспечна и нежна,
В ней есть и солнце и тепло,
Но не поймет меня она,
Ей все равно, ей все равно.
Опять настанет новый день,
И все, что было, то прошло,
Тебе ведь нравится сирень,
И все равно, и все равно
(Николай Гумилёв)

Положим,- гудение улья,
И сад утопает в стряпне,

И спинки соломенных стульев,
И черные зерна слепней.
И вдруг объявляется отдых,
И всюду бросают дела.
Далекая молодость в сотах,
Седая сирень расцвела!
Уж где-то телеги и лето,
И гром отмыкает кусты,
И ливень въезжает в кассеты
Отстроившейся красоты.
И чуть наполняет повозка
Раскатистым воздухом свод, -
Лиловое зданье из воска,
До облака вставши, плывет.
И тучи играют в горелки,
И слышится старшего речь,
Что надо сирени в тарелке
Путем отстояться и стечь.
(Сирень, Б.Пастернак)

Художник нам изобразил
Глубокий обморок сирени
И красок звучные ступени
На холст, как струпья, положил.

Он понял масла густоту -
Его запекшееся лето
Лиловым мозгом разогрето,
Расширенное в духоту.

А тень-то, тень всё лиловой,

Свисток иль хлыст, как спичка, тухнет, -
Ты скажешь: повара на кухне
Готовят жирных голубей.

Угадывается качель,
Недомалеваны вуали,
И в этом солнечном развале
Уже хозяйничает шмель.
(Импрессионизм, О.Мандельштам)

Александр Кушнер

Фиолетовой, белой, лиловой,
Ледяной, голубой, бестолковой
Перед взором предстанет сирень.
Летний полдень разбит на осколки,
Острых листьев блестят треуголки,
И, как облако, стелется тень

Сколько свежести в ветви тяжелой,
Как стараются важные пчелы,
Допотопная блещет краса!
Но взглядишь в эти вспышки и блески:
Здесь уже побывал Кончаловский,
Трогал кисти и щурил глаза.

Тем сильней у забора с канавкой
Восхищение наше, с поправкой
На тяжелый музейный букет,
Нависающий в желтой плетенке
Над столом, и две грозди в сторонке,
И от локтя на скатерти след.

